

В. Щепкин

Разсуждение о языке Саввиной книги

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 80
ББК 81-5
В11

B11   **В. Щепкин**
Разсуждение о языке Саввиной книги / В. Щепкин – М.: Книга по Требованию, 2024. – 383 с.

ISBN 978-5-517-88453-4

Читателью предлагается одно из фундаментальных исследований в области славянского сравнительно-исторического языкознания - «Рассуждение о языке Саввиной книги». Саввина книга - это древнеболгарская рукопись евангельских чтений XI в., единственная сохранившаяся кирилловская рукопись старославянского Евангелия. Ее исследование принадлежит выдающемуся слависту начала XX века, представителю московской лингвистической школы В.Н.Щепкину (1863-1920). В этой работе была предложена классификация старославянских памятников письменности, вошедшая с тех пор во все учебники старославянского языка. Основное внимание в книге уделено истории редуцированных и носовых гласных. Описывая язык Саввиной книги, В.Н.Щепкин привлекал для анализа богатый сравнительный материал, пользуясь данными диалектологии. Репринтное издание по технологии print-on-demand с оригинала 1899 года

ISBN 978-5-517-88453-4

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригиналe, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

	СТРАН.
IV. Звукъ ѿ	269—289
а. Старое этимологическое ѿ не смыливается съ другими гласными	269
б. Старое этимологическое дуа передается чрезъ лѣ; причины такого правописания	272
с. Старое этимологическое ѿа передается чрезъ ии, причины такого правописания	273
д. Старое этимологическое дуа передается чрезъ рѣ и я; первое правописание заимствовано изъ оригинала, послѣднее принадлежитъ писцу; звуки, выражаемые группой я=дуа.	275
е. Причины чередования ѿ въ формахъ повелительного (покажѣть—показать).	285
ф. Причины чередования и/ю въ корняхъ єд- (имь-ѣмъ).	287
V. Употребление знака ю	289—295
а. ю въ срединѣ слова; причины написанія ю послѣ шипящихъ и свистящихъ	289
б. ю начальное	294
VI. Нѣкоторыя менѣе важныя фонетическія явленія	295—298
VII. Говорѣз заголовковъ (rubri)	298—300
Дополненія и поправки	301—308
Указатели	309—349
Къ фототипіямъ.	

Приступая къ занятіямъ Саввиної книгої, пишущій эти строки имѣль въ виду дать характеристику говора этого памятника и тщательно переиздѣть его текстъ. Обѣ работы велись одновременно, и, по мѣрѣ того какъ онѣ подвигались, измѣнялись и опредѣлялись взгляды автора на предметъ его изслѣдованія. Авторъ болѣе и болѣе убѣждался, что кромѣ общаго интереса, представляемаго однимъ изъ немногихъ сохранившихся источниковъ чистаго старославянскаго языка, Саввиної книга затрагиваетъ иѣкоторые специальные вопросы, разрѣшеніе которыхъ въ настоящей книгѣ и составило ту часть работы, которая можетъ быть названа изслѣдованіемъ. Оно привело автора къ слѣдующимъ тремъ выводамъ. 1) Саввиної книга есть непосредственный списокъ съ глаголической рукописи, которая по языку своему относилась къ тому-же старославянскому нарѣчію, какъ и Евангелія Зографское, Маріинское, Ассеманово, Glagolita Clozianus, Синайскій Требникъ и Синайская Псалтырь, короче — всѣ крупные глаголические памятники старославянскаго языка. 2) Говоръ того лица, которое писало Саввиної книгу съ этого глаголического оригинала, принадлежалъ къ иному старославянскому нарѣчію, при чемъ писецъ при списываніи выражалъ свой родной говоръ съ такою смѣлостью и точностью, какъ ни одинъ изъ писцовъ остальныхъ старославянскихъ памятниковъ. 3) Благодаря этой особой ясности говора, Саввиної книга представляетъ и особую важность для оцѣнки остальныхъ старославянскихъ памятниковъ, очень часто разрѣшая вопросъ, что въ этихъ послѣднихъ принадлежить живому говору писцовъ,

что — графической традициі или оригиналу? Вследствіе этого изученіе языка Савиной книги какъ бы необходимо становится исходной точкой для изученія старославянской діалектологіи вообще. Оно уясняетъ намъ общую картину діалектическихъ связей и дѣленій, существовавшихъ въ предѣлахъ старославянскаго языка, и въ то-же время приближаетъ насъ къ болѣе точному пониманію родственныхъ узъ, уже давно наблюдаемыхъ между старославянскимъ языкомъ и ближайшимъ къ нему изъ живыхъ славянскихъ нарѣчій — языкомъ болгарскимъ.

Установивъ, что Савина книга, единственная кирилловская рукопись старославянскаго Евангелія, списана непосредственно съ глаголического оригинала, имѣвшаго признаки упомянутаго нарѣчія, мы тѣмъ самымъ должны допустить, что первый и чрезвычайно важный трудъ св. Первоучителей дошелъ до насъ первоначально только въ глаголическихъ спискахъ и съ чертами только одного изъ старославянскихъ нарѣчій. Ничто не приуждаетъ насъ однако расширять этотъ выводъ и толковать его въ томъ смыслѣ, что азбукой Первоучителей (какъ можно догадываться на основаніи другихъ данныхъ) была непремѣнно глаголица, а языкомъ ихъ перевода (что можетъ быть опровергнуто косвенно) — указанное нарѣчіе старославянскаго языка. Древнѣйшіе глаголические списки Евангелія — Зографское, Маріинское, Ассеаново Евангеліе и оригиналъ Савиной книги позволяютъ намъ судить лишь о явленіяхъ XI-го и до известной степени о явленіяхъ X-го вѣка. Только къ этой эпохѣ и могутъ быть пріурочиваемы наши выводы. Если допустить — въ чемъ теперь едва ли возможно сомнѣваться — что нарѣчіе глаголическихъ памятниковъ XI вѣка есть одно изъ древнихъ болгарскихъ нарѣчій Македоніи, — то самое, говоры котораго являются нынѣ господствующими, то мы должны будемъ ограничиться выводомъ, что въ X—XI вѣкѣ господствовавшимъ письмомъ въ Македоніи была глаголица. Но было бы напр. ошибочно заключать, что глаголица не была въ ту-же эпоху столь-же известна въ некоторыхъ другихъ областяхъ болгарского племени. Мы не имѣли-

бы основания отрицать эту возможность даже въ томъ случаѣ, если-бы до насъ не дошелъ такъ называемый Македонскій глаголическій листокъ, представляющій другое старославянское нарѣчіе, — не «македонское», или точнѣе — не «македонское по преимуществу». Какъ я стараюсь показать, Остромирово Евангеліе указываетъ на отдаленный старославянскій оригиналъ, носившій черты того-же «македонского» нарѣчія, — черты тщательно удаляемыя болѣе позднимъ, также еще старославянскимъ справщикомъ. Былъ-ли тотъ отдаленный оригиналъ Остромирова Евангелія, о которомъ я говорю, глаголическимъ или иѣть, мы не можемъ судить именно въ виду его отдаленности. Примѣръ Савиной книги ясно показываетъ, что палеографическія наблюденія — а они одни доказательны въ этомъ вопросѣ — позволяютъ судить главнымъ образомъ только о непосредственномъ оригиналѣ: ошибки, которыми даетъ себя знать глаголическій подлинникъ въ непосредственномъ кирилловскомъ спискѣ, до того необычны и странны, что въ большинствѣ случаевъ удаляются уже самими писцами этой первой кирилловской копіи, и во всякомъ случаѣ вѣроятность ихъ сохраненія уменьшается съ каждымъ новымъ спискомъ; удерживаться долго они могутъ только въ словахъ для писца мало понятныхъ или акустически безразличныхъ, каковы напр. иноземныя собственные имена. На всемъ протяженіи Супрасльской рукописи отмѣчены¹⁾ только двѣ ошибки, могущія свидѣтельствовать объ отдаленномъ глаголическомъ оригиналѣ: одинъ случай написанія с, какъ бы переправленного изъ i (ср. стр. 57 — 61 настоящей книги) и написаніе рожж, где ож = ээ можно понимать, какъ известнаго рода дигитографію (неполную) глаголического ээ = ж. Но Остр. не содержитъ и такихъ рѣдкихъ следовъ глаголицы. Отдаленный «македонскій» оригиналъ Остромирова Евангелія можетъ быть относимъ къ довольно глубокой древности, но это предположеніе ничего не прибавляетъ къ исторіи древнѣйшей славянской пись-

---

1) С. Н. Северьяновымъ.

менности. Несравненно болѣе свѣта проливаетъ на эту исторію другая, болѣе поздняя, но все еще старославянская редакція, наложенная на текстъ Остромирова Евангелія. Существование такой редакціи есть неоспоримый фактъ. Даже оставляя въ сторонѣ евангельскій текстъ рукописи и ограничивая сравненіе однимъ языкомъ, мы ясно чувствуемъ ее: она состояла, во первыхъ, въ тщательномъ удаленіи діалектическихъ особенностей глаголического (македонского) нарѣчія, причемъ эта работа производилась не на основаніи какой-либо литературной теоріи, а явно на основаніи какого-то живого говора. Во-вторыхъ была предпринята послѣдовательная свѣрка славянского текста съ греческимъ; въ области языка эта свѣрка сказалась въ возстановленіи правильного правописанія именъ собственныхъ иноzemныхъ, содержащихъ неславянскіе звуки и потому легко искажаемыхъ, а равно въ приближеніи къ греческому *ελαῖον* старого народнаго заимствованія *олы* (въ Остр. обыкновенно пишется *ελει*, *ελы*). Эти черты какъ будто указываютъ на среду, соединившую въ себѣ интересъ къ славянской письменности съ сильными образовательными вліяніями Византіи. Сопоставляя сущность этой редакціи съ ея сравнительно ранней датой, нельзя удержаться отъ мысли, что она восходитъ къ восточноболгарской литературной школѣ Золотого вѣка или по крайней мѣрѣ къ такой эпохѣ, когда традиціи этой школы были еще живы. Если-бы эта догадка оправдалась, мы нашли-бы въ Остр. драгоценный образецъ восточно-болгарского нарѣчія на древнейшей его ступени: до перехода въ *e*, до массового исчезновенія звуковъ *ъ* и *ь* въ извѣстномъ положеніи, до утраты *l* *erenthetici*. Освѣщеніе нѣкоторыхъ болѣе тонкихъ діалектическихъ чертъ, наблюдавшихъ въ языкахъ Остр., должно быть оставлено до болѣе тщательного изученія восточно-болгарской фонетики.

Сопоставленіе Савиной книги, какъ мѣрила, съ другими старославянскими памятниками, обогащаетъ насъ въ вопросахъ языка и правописанія столь необходимыми для филолога реальными представлениями о возможныхъ привычкахъ и склонно-

стяхъ различныхъ писцовъ. Этимъ путемъ мы открываемъ, напр., что писецъ Зографскаго Евангелія очень дорожилъ тщательной передачей оригинала и прекрасно справлялся съ этой работой; что справщикъ (не послѣдній писецъ) Остромирова Евангелія видѣлъ въ своемъ оригиналѣ только сырой матеріалъ, подлежащий послѣдовательной обработкѣ въ одномъ направлениіи, признаваемомъ единственno вѣрнымъ, такъ сказать классическимъ; что писецъ Саввиной книги не обладалъ литературными идеями, дающими тотъ или другой взглядъ на оригиналъ, не задавался совершенно вопросами языка, былъ лишенъ начитанности, но взамѣнъ того обладалъ прекраснымъ непосредственнымъ чутьемъ и съ рѣдкой смѣлостью и удачей выражать звуки своего родного говора. Писцы Маринскаго и Ассеманова Евангелій имѣютъ мало инициативы и еще менѣе — руководящихъ идей: ихъ работа обнаруживаетъ неравномѣрное смѣщеніе особенностей живого выговора съ графическими традиціями, уже очень часто понимаемыми неясно. При этомъ во всѣхъ спискахъ мы наблюдаемъ предѣлы, положенные силамъ и вниманію отдельного лица: писецъ Зогр. не въ силахъ скрыть совершенно своего собственного говора, подъ рукою справщика Остр. и писца Савв. изрѣдка проглядываютъ черты удаляемаго ими стараго.

Въ діалектическомъ отношеніи старославянскіе памятники представляютъ любопытную картину историческихъ измѣненій, живую цѣнь говоровъ, одновременныхъ и разновременныхъ, въ различной степени и различными чертами связанныхъ между собою. Глаголическая рукописи объединяются въ одно нарѣчіе переходомъ ѿ въ о (для Зогр.—это черта, вносимая послѣднимъ писцомъ), Зогр. (оригиналъ) и Савв.—явленіями ассимиляціи полугласныхъ, Савв., ориг. Зогр. и Остр. (говоръ справщика и дальнѣйшихъ писцовъ),—отсутствиемъ перехода ѿ въ о, Савв. и Остр. (послѣдній старославянскій писецъ, писавшій позднѣе справщика)—явленіями лабіализаціи ѿ (шь=шъ). Говоръ Савв., измѣненіемъ ѿ въ е [и б. м. ѿ въ о] при одномъ спеціальномъ, рѣдко

встрѣчаемъ условіи, составляетъ какъ-бы діалектическій переходъ, или первый по времени шагъ къ болѣе общему переходу въ є [и ь въ о] т. е.—къ I-му говору Супрасльской рукописи, а равно къ различнымъ средне-болгарскимъ говорамъ и современному восточно-болгарскому нарѣчію. [или къ нарѣчію Македонскому]. Говоры Мар. и Асс. обнаруживаютъ ближайшее родство между собою и съ языкомъ средне- и новоболгарскимъ по признаку совершенной утраты звука ь,—которое или перешло въ є, или выпало, или измѣнилось въ направленіи къ ь.

Эти наблюденія даютъ намъ увѣренность, что старославянскіе говоры X—XI вѣка, ясно группируясь на три нарѣчія по признаку є=%, є=%, є=%, имѣли, независимо отъ этого исторического дѣленія, различные точки соприкосновенія между собою, объясняемыя общимъ наслѣдіемъ изъ болѣе ранней эпохи: лабіализацію звуковъ передняго ряда подъ влияніемъ предшествующихъ шипящихъ и свистящихъ, ассимиляцію ь въ ь и ь въ ь въ зависимости отъ качества слѣдующаго слога, постепенное усиленіе ирраціональности полугласныхъ ь и ь въ известномъ положеніи и обусловленное этимъ явленіемъ постепенное исчезновеніе этихъ звуковъ при такомъ положеніи. Не подлежитъ сомнѣнію, что процессъ ассимиляціи проявился въ говорахъ ранѣе, нежели проявилось дѣленіе по признаку є=%, є=%, є=% (ср. стр. 99, 209—212 настоящей книги); то-же слѣдуетъ сказать и про измѣненіе ь въ направленіи къ ь (стр. 240 и слѣд.), при чемъ однако мы не имѣемъ возможности судить, коснулись-ли оба процесса въ эту болѣе древнюю эпоху всѣхъ безъ исключенія говоровъ старославянскаго языка. Процессъ лабіализаціи звуковъ передняго ряда и процессъ выпаденія полугласныхъ были очень продолжительны: унаследованные въ зачаткахъ отъ общеславянской эпохи, они тянулись втеченіе вѣковъ, съ большой постепенностью и съ большимъ разнообразіемъ, завершаясь въ отдельной жизни говоровъ долго спустя послѣ того, какъ наступило уже дѣленіе по признаку є=%, є=%, є=%; долѣе всего они, какъ и естественно, тянулись въ томъ архаическомъ нарѣчіи,

которое не изменило ни въ о, ни въ е. До эпохи дѣленія по признаку $\%=\%$, $\%$, $\%$ лабіализація вообще была еще не такъ значительна, ибо въ нарѣчіяхъ $\%=\%$ и $\%$ она ничѣмъ не осложнила и не видоизмѣнила процесса измѣненія въ е, между тѣмъ какъ въ архаическомъ нарѣчіи, сохранявшемъ еще и ѿ, лабіализація сильно сказалась на послѣдней полугласной, измѣнивъ ее въ направленіи къ ѿ. Въ цѣломъ рядъ говоровъ современного восточно-болгарского нарѣчія такое въ благодаря лабіализаціи не подверглось при извѣстномъ положеніи общему для этого нарѣчія переходу въ е и навсегда сохранилось въ видѣ з¹). Только при специальныхъ условіяхъ лабіализація ясно обнаруживала иногда свое присутствіе и въ очень древнюю эпоху (зъдати).

Діалектическое дѣленіе по признаку $\%$ должно быть понимаемо въ томъ смыслѣ, что въ извѣстную эпоху ²⁾ въ одной

1) Восточно-болгарское діалектическое дошъ (откуда далѣе доша) = *до-шъль необходимо должно было получиться въ восточно-болгарскихъ говорахъ до общаго перехода въ ѿ въ тѣхъ-же говорахъ: ѿ получилось здѣсь изъ ѿ чрезъ посредство лабіализованнаго. Въ эпоху, когда въ тѣхъ-же говорахъ ѿ при извѣстномъ положеніи уже приближалось къ е, мы ожидали бы изъ ѿ лабіализованнаго въ этомъ положеніи не з, а е лабіализованное, откуда далѣе о. Восточно-болгарское діалектическое дошъ и могло получиться именно такимъ образомъ при особыхъ условіяхъ (между ѿ и е), но вызвано ли дошъ въ говорахъ болѣе раннимъ переходомъ въ ѿ, или болѣе позднимъ проявленіемъ лабіализаціи, решить нельзя.

2) Начало этой эпохи не можетъ быть указано съ точностью. Есть полное основаніе думать, что говоръ Первоучителей въ IX вѣкѣ еще не зналъ ни перехода ѿ въ о, ни перехода ѿ въ е. Это явствуетъ уже изъ того, что въ древнѣйшихъ спискахъ Евангелія Зогр. Мар. Ассем. (Остр. и Синв., послѣдовательно удалявшіе это явленіе, въ сравненіе не идутъ) переходъ ѿ въ е встрѣчается въ очень различной степени, непослѣдовательно, и имѣть всѣ признаки новшества, постепенно пробивающаго себѣ дорогу. Кроме того самое существованіе въ обоихъ славянскихъ алфавитахъ отдѣльныхъ, соотносительныхъ по виду знаковъ ѿ и е ясно указываетъ на отсутствіе перехода ѿ въ е въ говорѣ Первоучителей: съ этимъ переходомъ было бы неразрывно связано исчезновеніе звука ѿ въ иномъ положеніи, именно—его выпаденіе или — рѣдкій переходъ въ ѿ. Въ азбукѣ, составленной по говору нарѣчія $\%=\%$, или нарѣчія $\%=\%_e$, знакъ ѿ былъ-бы лишнимъ. Но это еще не доказывается, чтобы въ IX вѣкѣ, наряду съ говоромъ Первоучителей не существовали говоры, уже измѣнившіе ѿ въ о, ѿ въ е. Говоръ Первоучителей могъ принадлежать къ архаическому нарѣчію.

области языка %, при известномъ положеніи перешли въ %, въ то время какъ въ другой областиъ осталось безъ качественного измѣненія и только въ измѣнилось въ €, а въ третьей—объ полугласныя сохранялись безъ существенныхъ качественныхъ и количественныхъ измѣненій. Какъ велика была эта послѣдняя область, какъ суживалась она въ послѣдующее время, т. е. въ какой степени распространялись далѣе, на ея счетъ, нарѣчіе %, и нарѣчіе %,—на эти вопросы не даютъ намъ отвѣта старославянскіе памятники. Несомнѣнно одно,—что въ XI вѣкѣ архаическое нарѣчіе еще существовало.

Далѣе этихъ наблюдений надъ діалектической жизнью старославянского языка мы не можемъ идти: старославянскихъ памятниковъ позднѣе XI вѣка мы не знаемъ, а въ памятникахъ этого вѣка мы не можемъ отмѣтить ни одной крупной діалектической черты, про которую съ увѣренностью можно-бы сказать, что она возникла послѣ дѣленія по признаку %. Фонетическія явленія старославянской эпохи почти исчерпываются перечисленными выше процессами. Мы знаемъ, что въ нарѣчіи %=%, ъ, не перешедшее въ € и не выпавшее, въ концѣ концовъ измѣнялось въ направленіи къ ъ, но это измѣненіе есть лишь слѣдствіе усиливавшейся ираціональности полугласныхъ и относится т. о. къ результатамъ дѣленія по признаку %. Очень важно было-бы изслѣдоватъ по старославянскимъ памятникамъ судьбу ръ мягкаго изъ рj, именно—его діалектическое сохраненіе въ видѣ мягкости и діалектическое отвердѣніе. Этому въ значительной мѣрѣ мѣшаетъ графика старославянскихъ памятниковъ, которые допускаютъ лишь слѣдующій выводъ: въ глаголическомъ нарѣчіи (%) ръ сохраняетъ свою мягкость, въ архаическомъ нарѣчіи (%) говоръ Саввиної книги спрятано представляетъ отвердѣвшее р. Но даже принимая этотъ результатъ, мы не можемъ решить, въ какія эпохи происходило отвердѣніе ръ, и не имѣемъ права на этомъ признакѣ строить діалектическое подраздѣленіе языка. Тоже слѣдуетъ сказать и о судьбѣ звука ъ: въ старославянскихъ говорахъ оно звучало — въ однихъ болѣе, въ другихъ менѣе от-